

Ду Вэй и Чэнь Хуэй закончили приводить себя в порядок и побежали трусцой. Они также были явно напуганы дымом и шумом в коридоре. Ду Вэй тащил свои тапочки, на одной ноге у него все еще был носок, который он не снял. Чэнь Хуэй была одета в большую футболку Ду Вэя задом наперед. Ее шея была перетянута высоким "декольте", а сзади обнажилось большое количество голой кожи.

"Это... Что происходит?" Чэнь Хуэй прислонилась к двери, посмотрела на сцену внутри, и была поражена: "Почему здесь пожар?".

Ду Вэй с глубоким недоверием относился к Ли Синиану, он наклонил голову и пытливо посмотрел на Фан Дайчуаня. Фан Дайчуань посмотрел на бледное лицо мальчика и слегка покачал головой.

Мир таков, что он может только вздыхать.

Ниу Синьян погладила ребенка по спине, ее глаза уставились прямо в воздух перед собой, ее зрачки были лишены жизни. Она покачивала тело ребенка и низким голосом пела детский стишок. Это была мелодия их местного диалекта, который Фан Дайчуань не мог понять. Когда она пела, ее глаза были очень спокойны, а выражение лица не дрогнуло, как будто она умерла на месте.

Даже если Чэнь Хуэй ничего не знала о ситуации, она все равно почувствовала, что что-то не так. Она спряталась за Ян Сон, не решаясь смотреть на маленькое тело. Владелец этого тела был приговорен к смерти своей биологической матерью с момента своего рождения, и его нынешнее состояние - лишь продолжение его жизненного статуса за последние десять лет. Просто, с точки зрения постороннего человека, этот процесс доведения молодой жизни до конца слишком суров и жесток.

Ду Вэй огляделся и заметил, что что-то не так: "Где Дин Цзыхуэй?".

Чэнь Хуэй оглянулась на него и яростно топнула ногой.

Ду Вэй задохнулся: "Почему ты так зла? Я просто спрашиваю. Если случился пожар, я должен выяснить, кто поджигатель!"

Как только он закончил говорить, он увидел, что почти все присутствующие сразу же повернули головы и уставились на него.

Ду Вэй запаниковал, огляделся и смело сказал: "Что? Разве я не прав? Свеча, без катализатора, может вызвать такой большой пожар? Ведь здесь не так много людей..."

Фан Дайчуань и Ли Синиан обменялись взглядами.

Ли Синиан нагнулся и поднял упавший с земли подсвечник. Медный слой почернел. Когда он прикоснулся к нему, обугленный пепел смешался с какой-то липкой жидкостью, отчего на нем остались отпечатки пальцев.

Фан Дайчуань полуприсел на корточки, с трудом опустив свой почти 1,9-метровый рост до уровня ребенка, уставился в его потухшие глаза и тихо сказал: "Сицюань, ты помнишь, что сейчас произошло?".

Ребенок поднял веки и посмотрел на него, его глаза были усталыми. Он долго думал, потом слегка покачал головой.

"Я заснул, - сказал он слабым и хриплым голосом, - а проснулся от огня."

Фан Дайчуань повернул голову, чтобы посмотреть на лица всех, и его сердце опустилось. Он не хочет гадать, кто из этих девушек обладает таким злым умыслом. У Ян Сон прямой характер, если ей что-то не нравится, она это покажет; Чэнь Хуэй очаровательная и милая, в ситуации жизни или смерти ее больше волнует, смотрит ли ее парень на других девушек; Дин Цзыхуэй нежная и дотошная. Он всегда будет помнить тот день, когда он был в плохом настроении и потерял доверие к Ли Синиану. Именно Дин Цзыхуэй сидела с ним у рифа и тепло утешала его.

Если бы в данный момент это было обычное эстрадное шоу, эти девушки были бы самыми динамичными и милыми, и Фан Дайчуань готов быть обманутым их цветистыми улыбками в критический момент, готов наблюдать за их маленькими хитростями, готов использовать свою собственную метку в обмен на их выживание.

Но это игра на выживание.

Здесь настоящее поле боя.

Мошенничество, обман и даже... убийство.

Фан Дайчуань не хотел верить, что найдется человек, способный поджечь беззащитного спящего ребенка. Однако едва уловимый запах масляных паров в воздухе и быстрый и сильный огонь не позволяли ему поверить, что это обычный пожар.

Если бы это был искусственный поджог, то убийцей был бы один из этих людей. У Ду Вэя и Ниу Синьян была назначена встреча на улице в середине ночи. Когда он и Ли Синиан поднялись на гору, они уже некоторое время спорили на горе, поэтому у них, вероятно, не было времени для совершения преступления. Тогда, если исключить его самого и Ли Синиана, который оставался с ним всю ночь, кто остался?

Остаются Ян Сон, которая утверждает, что все время находилась в комнате, Чэнь Хуэй, время, когда она вышла за своим парнем, неизвестно, и Дин Цзыхуэй, которая до сих пор не найдена.

Небо за окном стало светлеть, а необожженные медные часы, как обычно, издали приглушенный звук.

Уже восемь часов.

Все, казалось, пришли в себя и вырвались из очередного застывшего времени и пространства. Все они посмотрели на часы в углу комнаты, а затем один за другим молча удалились.

Было слышно только, как все спускаются по лестнице, но Фан Дайчуань и Ли Синиан остались.

Фан Дайчуань не знал, с каким выражением лица смотреть на мать и сына. Он присел на корточки и посмотрел на Ли Синиана, словно прося о помощи.

Ли Синиан вздохнул и погладил правой рукой челку на голове.

Он тоже опустил на корточки.

Фан Дайчуань почувствовал себя немного спокойнее, подумав: "Я хочу утешить Ниу Синьян нежными словами, но я неуклюж, я должен оставить такие вещи кому-то с тонким умом и высоким IQ". Он подумал, что люди с высоким IQ всегда логичны, они могут правильно видеть проблему и знать, где находится самая важная часть.

Однако Ли Синиан присел, не сказал ни слова утешения, а сразу перешел к делу: "Теперь ты можешь рассказать мне, как умер твой муж?". Он не смотрел на ребенка, когда говорил это. Вместо этого он уставился прямо на Ниу Синьян, его челка была поднята вверх, открывая гладкий и полный лоб, а глаза были острыми, как ножи.

Фан Дайчуань в смущении закрыл лицо одной рукой, а другой спокойно протянул руку, одергивая уголки одежды.

Глаза Ниу Синьян были немного отстраненными, она медленно обвела всех взглядом и на мгновение встретилась со взглядом Ли Синиана.

"Тебе лучше поторопиться, мое терпение ограничено", - Ли Синиан схватил хаотичную руку Фан Дайчуаня и крепко сжал его запястье в своей ладони, не давая ей и дюйма, - "Время голосования приближается, у тебя нет времени".

Правая рука Фан Дайчуаня действительно была ранена. Вся его ладонь была обожжена, а на запястье остался красный след, который Ли Синиан сжал, заставляя его дрожать от боли.

В прошлом Ли Синиан был проницательным и чувствительным, но сейчас от него не осталось и следа.

Фан Дайчуань повернул голову и посмотрел на Ли Синиана. Между его бровей, казалось, бушевало пламя, словно действующий вулкан у подножия их ног. Тихий и подавленный, но в конце концов он вырвется наружу.

Его глаза были подобны холодным ножам, и в этот момент сердце Фан Дайчуаня дрогнуло.

- Ли Синиан горит.

От этого осознания Фан Дайчуань почувствовал странную иллюзию, словно увидел, как неуязвимый паладин снимает доспехи, обнажая кожу внутри; увидел, как непобедимый серафим с горящими крыльями на спине становится смертным из плоти и крови. Ли Синиан, который всегда был непобедим в своих глазах, на самом деле может чувствовать гнев, тревогу и беспокойство.

Он не просто холодно смотрел на людей. В его сердце были горячие эмоции, глубокий и тяжелый гнев.

В это время у Фан Дайчуаня появилась до смешного поверхностная мысль. Он подумал: Он действительно человек.

Медные настольные часы тихо стояли в углу комнаты, секундная стрелка безостановочно двигалась.

Ниу Синьян отпустила ребенка, закрыла лицо руками и заплакала.

<http://bllate.org/book/16082/1438680>